

Что забыл Трамп: почтение, эмпатию, лидерство, образование, филантропию...

Интервью Ричарда Маршалла с философом
Полом Вудрафом

Ричард Маршалл: Что побудило вас стать философом?

Пол Вудраф: По-другому я не мог. Меня зацепили два книги: «Уолден» Торо и «Размышления» Марка Аврелия. Первую я нашел среди маминих книг. А «Размышления» мне дал отец, когда я нелестно отозвался о единственной книге по философии, имевшейся в нашей школьной библиотеке, – что-то о чистом разуме за авторством какого-то Канта. Я там ни слова не понял. А вот в Марка Аврелия влюбился с первой же страницы. Мне очень нравилось обсуждать философские проблемы со школьными друзьями, которые соглашались меня выслушать. Изначально я хотел стать драматургом и даже что-то писал, но, как только понял, что больше всего на свете я люблю преподавать философию, то уже ни в чем не сомневался.

Р.М.: Ваши философские работы во многом опираются на Древнюю Грецию. Но давайте начнем с идеи почтения, которая в вашем случае основывается не только на греках, но и

Ричард Маршалл (р. 1959) – философ, писатель, основатель и редактор философского онлайн-проекта «3:16».

Пол Вудраф (р. 1943) – профессор Университета Техас (Остин, США), специалист по античной философии и культуре.

ИНТЕРВЬЮ «НЗ»

091

на Китае. Другим источником для вас стал Ницше. Поэтому, во-первых, как нам понимать почтение? Вы говорите, что дать определение непросто, поэтому, возможно, для начала стоит попросить вас рассказать, как чувство почтения вытекает из понимания ограниченности человека. Вы считаете, что мы утратили ощущение наших пределов и это объясняет, почему мы больше не говорим о почтении, или дело в том, что для современного человека оно кажется связанным с чуждой ему религиозной культурой?

П.В.: Мне кажется, почтение начинается позитивно – с трепета перед чем-то, что больше нас. Для Торо такой объект – природа, для стоицизма Марка Аврелия нечто подобное – принципы разума, оживляющие природу. Наша культура, видимо, в существенной мере утратила связь с природой. Я вырос, блуждая в одиночестве по лесам и полям, таким ребенком на самовыгуле. Многие ли могут сегодня позволить себе подобное? К тому же культура, мне кажется, подталкивает нас к мысли, что человек всесилен, что он может справиться с любой проблемой, что он хозяин природы. Это, конечно же, не так. Но хуже того: мы воздвигли ложных богов, особенно в США – флаг, Конституция, патриотизм. Это отнюдь не совершенные, созданные человеком продукты, которые не заслуживают всех, связанных с ними, ритуалов и нашего почтения.

Р.М.: Китайская и греческая культура никогда не соприкасались – насколько близки их подходы к почтению? Индия же имела связи с обеими этими культурами – не способствовала ли она их взаимному обогащению в отношении идеи почтения?

П.В.: Армия Александра принесла в Грецию индийскую мысль, и я подозреваю, что там происходил культурный обмен в обе стороны. Буддизм попал в Китай из Индии гораздо позже, когда китайская философия уже в значительной мере сформировалась. Почтение, которое я вижу в китайской мысли, присутствует уже в «Лунь юй»¹ Конфуция и у Мэн-цзы², причем ни один из них, насколько мне известно, не был знаком с греческой или индийской традицией. Почтение универсально вследствие универсальности человеческих потребностей, в которых оно коренится. Чтобы жить рядом с другими, необходимо построить сообщество, сообществу же нужны лидеры, а подлинные лидеры должны быть почтительными. Власти не могут управлять обществом без почтения. В критические моменты истории США у нас были почтительные лидеры.

1 Основная книга конфуцианства, часть так называемого Четверокнижия. Составлена учениками Конфуция из кратких заметок, в которых приводятся его высказывания и поступки.
2 Китайский философ-конфуцианец, живший в IV–III веках до нашей эры.

Р.М.: Где место почтению в современном мире? Это разновидность этики добродетели, которую Элизабет Энском и Леонард Гобхаус³ вывели из Аристотеля?

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ПОЛ ВУДРАФ**

ЧТО ЗАБЫЛ ТРАМП...

П.В.: Да, я считаю почтение добродетелью. Я благодарен Энском за то, что она вернула философам понятие добродетели. Работы Аристотеля заслуживают почетного места в этике добродетели, хотя я пытаюсь вернуться к сократовскому пониманию добродетели, в центре которой самопознание, ведущее к такой добродетели, как человеческая мудрость, – и состоит она в осознании, что мудрость эта не так уж и ценна. (С работами Гобхауса я не знаком.)

**Почтение универсально вследствие универсальности человеческих потребностей, в которых оно коренится. }
Чтобы жить рядом с другими, необходимо построить сообщество, сообществу же нужны лидеры, а подлинными лидерами должны быть почитаемыми. }**

Р.М.: К чему мы можем относиться с почтением, а к чему нет? Например, вы говорите, что некоторым чудесам природы вроде гигантской секвойи для этого чего-то недостает.

П.В.: Я думаю, мы можем испытывать трепет, глядя на секвойю, размышляя о силе комара или о сложной структуре живой клетки.

Р.М.: А как это связано с личными качествами преподавателя или лидера?

П.В.: Быть лидером – значит, побуждать людей делать то, чего они вольны не делать. Преподавание – это вид лидерства. Как учитель я могу заставить студентов сдавать тесты, соблазняя их пряником или угрожая кнутом, но одной лишь силой я не могу заставить их полюбить мой предмет или почувствовать к нему подлинный интерес. Лидеры знают, что их власть ограничена человеческими качествами последователей. Макиавелли писал, что государь может заставить подчиненных бояться его – но не может заставить полюбить. Однако он не прав и в отношении страха. Силой невозможно вызвать вообще никаких эмоций: смельчаки не боятся тиранов – буддисты или христиане могут даже не испытывать к ним ненависти. Тиранов нередко свергают как раз потому, что те не знают границ своей власти. А знать свои границы – это ведь и есть почтение.

3 Элизабет Энском (1919–2001) – британский аналитический и моральный философ; ученица Людвиг Витгенштейна. Леонард Трелони Гобхаус (1864–1929) – британский социолог, политический теоретик, проповедник социального либерализма.

Почтительные лидеры разделяют ценности своих последователей, они почитают идеалы, стоящие за этими ценностями.

Р.М.: Что Ницше говорит о почтении? Это ведь там, где он сравнивает его с искусством?

П.В.: Да, мне кажется, искусство и почтение связаны – так же, как почтение и смех. Если ты почителен, то знаешь, как смеяться над абсурдом и поддельной величавостью.

Р.М.: Почтение – это чувство, и вы наверняка изучили его со всех сторон, а не только в контексте античной философии. В вашей работе о передаче эмоций в театре вы говорите о важности сострадания. Не могли бы вы рассказать об этом чуть подробнее, а также объяснить, почему греки считали, что нам надо понимать ситуацию, в которой оказались другие люди, чтобы установить с ними эмоциональную связь?

П.В.: Почтение как добродетель – это не столько чувство, сколько развитая способность к чувству, привычка сердца. Греческие боги в мифах обычно не способны к состраданию, потому что не могут представить собственных страданий. Иисус и Мария в христианской традиции и Гуаньинь⁴ в буддийской испытали человеческие страдания, поэтому-то их и считают божественными существами, способными к состраданию. Греческое слово, которое я перевожу как «сострадание», дословно значит «со-знание», в новогреческом этот же корень встречается в слове «извините».

Можно испытывать жалость к человеку, который страдает, независимо от того, был ли у тебя похожий опыт. Но сострадание в полном смысле требует понимания. Поэтому ветеранам хочется общаться с другими ветеранами: жалость тех, кто не воевал, не помогает, потому что они не понимают, через что ты прошел (говорю это как ветеран боевых действий).

Отсутствие опыта можно восполнить, читая или слушая других. Если бы греческие боги прочитали «Илиаду», они, возможно, были бы более сердобольными. А ветеранам не становится легче от того, что их слушают, если они чувствуют (как многие из нас), что не могут рассказать правду из страха, что их возненавидят и больше никогда не будут с ними разговаривать.

Р.М.: Большинство людей перестали ходить в театр и погрузились в цифровые виды досуга. Не потеряем ли мы возможность передавать эмоции через цифровые коммуникации? Каким критериям они должны отвечать, чтобы выполнять те же функции, что и театр? Как задействовать рептильный мозг?

⁴ Божество мифологий и религиозных движений большинства стран Юго-Восточной Азии, выступает обычно в женском облике, спасает людей от разного рода бедствий. Особенно известно в буддийской традиции Китая.

П.М.: Зрительный контакт включает рептильный мозг – даже просто изображение глаз. В театре, помимо прочего, мы становимся свидетелями. Можно ли стать свидетелем события, которое ты видел только на экране?

Цифровые коммуникации могут в конечном счете заменить живой театр, но для этого им придется пройти ряд испытаний. Театр, как я его определяю, по-прежнему находится в центре нашей жизни. Задайте себе вопрос: захотели бы вы присутствовать на свадьбе своей дочери лишь посредством цифровых коммуникаций? Или ваш сын играет в футбол, а вы болеете за него посредством цифровых коммуникаций – хватит ли этого вам обоим, даже если сын может вас слышать? Если вы ответите «да» на оба вопроса, то цифровые коммуникации можно считать полноценными.

Р.М.: Вы говорите, что театр не может передать нам трансцендентных истин, но способен научить нас некоей мудрости относительно самих себя. Не могли бы вы пояснить? И почему вы считаете, что театр настолько отличается от других искусств и что он столь же могуществен, как язык?

П.В.: Театральное искусство вбирает в себя многие другие виды искусства. Оно отвечает нашей потребности смотреть на других и самим быть у других на глазах. Некоторые виды искусства возможны без публики – но только не театр. В человеческом вакууме можно писать прозу или картины, создавать скульптуры и так далее, но сыграть пьесу, балет, симфонию или даже футбольный матч без свидетелей нельзя. Даже на репетициях есть свидетели.

Что касается мудрости, то я считаю, что единственная человеческая мудрость касается нас самих – или человечества в целом, или наших индивидуальных сильных и слабых сторон. Едва ли нам как-то можно передать трансцендентные истины; мне вообще кажется, что ничему толковому никого научить нельзя. Во время хорошего урока можно чему-то научиться, но не научить. Я – как Сократ – не столько учу студентов, сколько помогаю им научиться.

Р.М.: Одной из ключевых для современной культуры концепций является демократия. По сравнению с древнегреческим идеалом современная демократия вроде бы утратила связь с «первоисточником». А в чем, по-вашему, состояла эта «первая демократия»?

П.В.: Я написал об этом книгу⁵. Вкратце: демократия должна относиться ко всем гражданам как к равным во власти и

5 WOODRUFF P. *First Democracy: The Challenge of an Ancient Idea*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

перед законом. Большинство же современных демократий отдают власть политикам, представляющим не людей, а специфические интересы. В первых демократиях человек наделялся властью жребием, а не на выборах, которые тогда, как и сейчас, контролировались богатыми. Выборы, на которых победитель получает все, являются антидемократическими. Нам нужно пропорциональное представительство во власти.

Р.М.: Вы считаете, что подлинная демократия должна быть достаточно зрелой для того, чтобы принять реформы, предложенные народом, и должна инвестировать в образование, чтобы получить мыслящих граждан. Не могли бы вы пояснить эти тезисы, особенно второй. Он сильнее всего бросается в глаза сейчас, когда идея всеобщего среднего и высшего образования вызывает все больше возражений. Что за греки это придумали?

П.В.: Большинство древнегреческих мыслителей относились к демократии без симпатии. При этом драматурги часто проповедовали демократические ценности, а ведь они по сути занимались образованием афинских граждан. Каждый мужчина в молодости наверняка участвовал в хоре или ритуалах и таким образом узнавал – и даже применял на практике – эти ценности. В древних Афинах все страстно любили демократию (кроме аристократов, конечно же).

Что мы можем сделать сейчас, чтобы лучше обучать граждан демократии? Вопрос непростой. Нынешняя политическая поляризация делает такое образование почти невозможным. Однако нужно сделать попытку подняться над межпартийными сварками ради постижения фундаментальных демократических ценностей.

Р.М.: В последнее время об эмпатии нередко пишут уничижительно. Что вы ответите тем, кто не считает эмпатию добродетелью?

П.В.: Эмпатия может означать разное. Изначально это был эстетический термин. Попытаюсь выделить несколько более новых значений. Драматург Бертольд Брехт презирал театр, в котором на публику обрушивают шквал бездумных эмоций, что он и называл «эмпатией». Именно с критикой такой эмпатии недавно выступил Пол Блум. Эмпатию, которую защищаю я, – как то, без чего невозможно сострадание, – принято называть «когнитивной эмпатией». То есть добродетелью следует считать не просто эмпатию, а способность к эмпатии в ее высшем виде, то есть эмпатию когнитивную.

Р.М.: Принято считать, что в культуре Древней Греции особая роль отводилась рассудку и разуму. Однако в ваших работах

анализируется главным образом роль эмоций и чувств. Что древние греки вообще понимали под философией? Сильно ли это отличалось от того, чем занимается современная философия, и если да, то не потеряли ли мы чего-то ценного, когда отошли от древних философских установок?

П.В.: В 1951 году вышла книга Эрика Доддса «Греки и иррациональное»⁶, изменившая наше понимание классики, хотя ее основную идею можно найти еще у Ницше, который писал, что древним грекам приходилось делать акцент на разуме, потому что они знали, как легко и необратимо их захватывают эмоции. Им был нужен Аполлон, потому что они были под властью Диониса («Рождение трагедии из духа музыки»).

Древнегреческие трагедии, пишет Энн Карсон⁷, это уроки горя. Платон в «Государстве» отводит эмоциям важную роль: в идеальном государстве эмоциональная составляющая каждого гражданина должна стремиться к тому, чтобы быть частью целого. В «Федре» Платон говорит, что нужно потерять разум в любовном сумасшествии, чтобы постичь более высокую мудрость.

Так что, да, древние греки сильно отличались от современных философов. Джон Ролз⁸ в своей великой теории справедливости мало места отводит эмоциям. Большинство современных изводов конструктивистской этики опираются на понятие рациональности. Поэтому все они, на мой взгляд, идут неправильным путем: они слишком много говорят о рассудке и разуме.

Р.М.: Вы писали, что лидерству должны обучать в университетах. Не могли бы вы для начала обрисовать, что для вас значит лидерство и что им не является вопреки общему мнению.

П.В.: Если ты тиран, ты можешь заставить людей исполнять твою волю – до определенного момента. Но ты никогда не сможешь их заставить быть верными, творческими, изобретательными. Если ты менеджер, ты можешь стимулировать людей, чтобы они делали, как ты хочешь, но результаты в этом случае будут ограничены твоим пониманием того, чего именно ты хочешь. А если ты лидер, ты вдохновляешь остальных на общее дело, поэтому они будут тебе верны и будут проявлять творческую инициативу. Лидерство – это способность влиять на людей без принуждения словом или силой. Самый низкий по статусу человек может проявить лидерские качества, взяв слово в определенный момент.

6 DODDS E. R. *The Greeks and the Irrational*. Berkeley: University of California Press, 1951.

7 Энн Карсон (р. 1950) – канадская поэтесса, эссеист, переводчик, филолог-классик.

8 Джон Бордли Ролз (1921–2002) – американский политический и моральный философ, развивал идеи социального либерализма. Его главный труд: RAWLS D. B. *A Theory of Justice*. Harvard: Harvard University Press, 1971.

Р.М.: Почему лидерам нужно мириться с образованием? Если лидеры мессианского толка вроде Жанны Д'Арк или Билли Бадда⁹ этого не делают, значит ли это, что они плохие лидеры? Всегда ли они обречены?

П.В.: Мириться с образованием? Его надо жаждать. Надо иметь пытливым ум, интересоваться, как устроены люди вместе и по отдельности. Александр Македонский учился у Аристотеля. Вашингтон и Линкольн – самостоятельно. Роза Паркс¹⁰ получила какое-то образование, но больше всего она почерпнула из школы жизни. Чтобы быть образованным человеком, не обязательно ходить в школу, а чтобы стать эффективным лидером на протяжении длительного времени необходимо что-то понимать в природе человека. Иначе не будешь знать, как бороться с противостоящим тебе злом. Я восхищаюсь Жанной Д'Арк, но она не видела, что спасенная ею Франция отдаст ее в жертву Англии ради мира. Билли Бадд прекрасен, как Адам до грехопадения, но на раздираемом конфликтами военном корабле он беспомощен.

Если ты тиран, ты можешь заставить людей исполнять твою волю – до определенного момента. Но ты никогда не сможешь их заставить быть верными, творческими, изобретательными. Если ты менеджер, ты можешь стимулировать людей, чтобы они делали, как ты хочешь, но результаты в этом случае будут ограничены твоим пониманием того, чего именно ты хочешь.

Р.М.: Почему лидеру так важно иметь дело со злом и сложностью и почему для него так важны хитрость, отвага и сострадание? Откуда берутся эти требования?

П.В.: На первом месте сострадание. Если не бояться признавать собственные ошибки, будешь с большим сочувствием относиться к промахам окружающих. Как лидер ты должен понимать, что общество довольно быстро может стать жестоким по отношению к аутсайдерам. Если ты глава некой общины, ты должен знать, как далеко может зайти дедовщина за короткое

9 Билли Бадд – главный герой одноименной незавершенной повести американского писателя Германа Мелвилла (1891), моряк, несправедливо осужденный на казнь, принесший себя в жертву для предотвращения мятежа на корабле.

10 Роза Паркс (1913–2005) – активистка движения за права афроамериканцев, сыгравшая ключевую роль в событии, известном как «Бойкот автобусов в Монтгомери» (1955–1956). Чернокожее население Монтгомери (Алабама) по инициативе Розы Паркс выступило против расовой сегрегации в автобусах и добилося судебного признания его незаконным.

время, и должен не допустить этого. Если ты начальник тюрьмы (скажем, Абу-Грейб¹¹), ты должен знать, на какую жестокость способны охранники, и должен с этим бороться. Сострадание – это ответственность лидера.

РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ПОЛ ВУДРАФ
ЧТО ЗАБЫЛ ТРАМП...

На втором месте – сложность. Большинство лидеров сталкиваются с тем, что я называю «дилеммами лидерства»: это когда обязательства перед твоими последователями входят в конфликт с обязательствами перед другими людьми или твоими этическими принципами. Макиавелли считал, что раз последователи вверили тебе свои судьбы, ты должен всегда быть готов лгать и нарушать обещания, данные другим. Есть и противоположная точка зрения: некоторые этики считают, что бизнес-лидерам, чтобы быть этичными, необходимо всегда ставить интересы общества выше интересов акционеров. У обоих подходов есть свои достоинства, если убрать «всегда» в обоих случаях. Это непростые дилеммы, потому что человеческая жизнь сложна и у лидеров сложные обязательства.

Отвага – самая важная добродетель лидера. Лидер должен стать символом смелости для своих последователей и не бояться выступать против врагов – как внешних, так и внутренних. Один адмирал проявил большую отвагу, возразив президенту США по поводу неправильного использования своих войск, после чего его не повысили в должности – но для него войска были на первом месте. Кроме того, лидеру нужна смелость, чтобы уйти, когда приходит черед, – так поступил Джордж Вашингтон после второго президентского срока.

Хитрость кажется странным качеством для лидера, но она чрезвычайно важна. Париж во время Второй мировой войны спасла хитрость трех лидеров. Командование союзников считало, что освобождение Парижа – это потеря ценного времени. Кроме того, Рузвельт презирал де Голля. Но немецкое командование (фон Холтлиц и другие) соврали Гитлеру, а Эйзенхауэр тоже хитрил в своих донесениях Рузвельту, так что де Голлю удалось предотвратить гражданскую войну, дав понять парижским коммунистам, что у них есть будущее. (Я вычитал это в замечательной книге «Освобождение Парижа» Эдварда Смита¹², которую он писал на смертном одре.)

Р.М.: Вы пишете, что, даже если у лидера нет соответствующих качеств, он должен их изображать – но разве это не ли-

11 Печально знаменитая тюрьма в одноименном иракском городе, недалеко от Багдада. После свержения Саддама Хусейна и захвата Ирака войсками США и их союзников использовалась оккупационными властями. Фотосвидетельства пыток заключенных в Абу-Грейб американскими надзирателями в 2004 году обошли мир – и стали основанием для судебного процесса, в результате которого несколько военнослужащих США были приговорены к разным срокам заключения.

12 SMITH E. *The Liberation of Paris*. New York: Simon and Schuster, 2019.

цемерие? Неужели обман и пустая риторика могут привести к чему-то хорошему?

П.В.: Эффективный лидер всегда проявляет лидерские качества. Александр Македонский был великим актером. Обманывать людей нехорошо, пустая риторика – тоже вещь вредная. Но, когда Вашингтон во время речи в Ньюбурге¹³ выхватил из кармана очки, это был не пустой риторический жест. Лицемерие, как демонстрирует Тартюф и подобные персонажи, это когда ты притворяешься, что у тебя есть некие ценности, но на самом деле ты им не следуешь. Вашингтону было нелегко обуздать свой темперамент, чтобы стать эффективным лидером, но он свято верил в идеал, который усердно реализовывал, и следовал ему: он несколько раз отказался от абсолютной власти. При этом Вашингтон действительно скрывал отдельные свои слабости от всех, кроме самых близких друзей. Но сколько слабостей должно быть у лидера, чтобы демонстрировать их последователям? Ответ на этот непростой вопрос я предлагаю найти читателю самостоятельно.

Р.М.: Вы считаете, что гуманитарные науки играют важную роль в обучении лидерству. Не могли бы вы пояснить вкратце, какая от них польза?

П.В.: Самый важный навык лидера – это коммуникация. Линкольн освоил искусство запоминания длинных речей и стал величайшим оратором в истории США. Умение писать и говорить, равно как и слушать, относится к гуманитарным наукам. Помимо умений, важно знать, как люди обычно реагируют на перемены. Тут может помочь история и умная художественная литература. Разумеется, для этого не обязательно ходить в школу или читать книги – можно многому научиться, просто наблюдая за окружающими. Но на это уйдут годы. Лучше изучать историю – а это гуманитарная наука.

Р.М.: Вы были редактором книги по филантропии и этике дара. Скажите, пожалуйста, какие вопросы этики дара являются, по-вашему, ключевыми?

П.В.: Основные вопросы, которым посвящена эта книга, касаются того, как управлять благотворительными пожертвованиями. Одни философы считают, что каждый пожертвованный доллар должен быть потрачен на максимизацию блага; кто-то даже говорит, что нельзя жертвовать на проекты, напрямую не связанные с благом, – например, музеи. Все это, разумеется, очень спорно. Другим фактором является справедливость.

13 15 марта 1783 года Джордж Вашингтон в Ньюбурге обратился с речью к офицерам своей армии, которые были готовы поднять мятеж из-за невыплаты жалования, а также по ряду других причин. Выступление Вашингтона убедило военных остаться в повиновении.

Есть ли проекты, которые мы должны поддерживать – например, продуктовый банк?¹⁴ Я считаю, что жертвовать на подобные вещи надо.

РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ПОЛ ВУДРАФ
ЧТО ЗАБЫЛ ТРАМП...

Самый важный навык лидера – это коммуникация. Линкольн освоил искусство запоминания длинных речей и стал величайшим оратором в истории США. Умение писать и говорить, равно как и слушать, относится к гуманитарным наукам.

Р.М.: Эффективный альтруизм часто критикуют за то, что он требует от человека слишком многого: все должны чуть ли не святыми стать, и может показаться, что аргументы в пользу этого сомнительны. Как вы понимаете практический альтруизм и считаете ли вы этот подход несовершенным по сути?

П.В.: Эффективные альтруисты пишут, что их стратегия не слишком требовательна к человеку, и неплохо это демонстрируют. Однако их аргументы основаны на теории утилитаризма, которую я не разделяю. Он хотят ограничить требования, которые эффективный альтруизм предъявляет к филантропам, но их теории не соответствуют тому, что они предлагают. Их теории всегда требуют, чтобы ты делал максимальное количество добра, на которое способен. Я не согласен. Если ты нашел бумажник, набитый крупными купюрами, надо вернуть его владельцу, а не стараться делать добро по максимуму и тратить эти деньги на борьбу с малярией. Тем не менее мне кажется, что мы должны принимать во внимание эффективность благотворительных проектов, которым мы жертвуем деньги, и стремиться к максимальному благу, насколько это возможно с учетом иных наших обязательств. Я считаю, что надо жертвовать отдельным местным благотворительным организациям, даже если они менее эффективны по сравнению с теми, которые работают в странах «третьего мира» (перед которыми, кстати говоря, мы в большом долгу). Я стараюсь быть эффективным жертвователем, но даю деньги и местным фондам, чтобы не жить за чужой счет.

Р.М.: Вы говорите, что не всякая благотворительность – филантропия. Это парадоксально на первый взгляд. Что имеется в виду?

П.В.: Я взял эту мысль у Канта. Филантропический дар – это несовершенный долг, или долг в широком смысле, то есть у вас

14 Международная сеть благотворительных организаций, которые занимаются сбором пищевых продуктов у производителей и поставщиков – и распределением их среди нуждающихся.

есть большая свобода в том, как вы делаете этот дар. Но у некоторых из нас есть долг в узком смысле, или совершенный долг. Кант считал, что большое богатство является следствием несправедливости, поэтому очень богатые имеют долг в узком смысле – вернуть обществу то, что они фактически у него украли. То есть благотворительность для богатых – это не филантропия, а справедливость. Разница тонкая, но важная.

Р.М.: Каких же даров требует от нас справедливость, а каких не требует, вопреки широкому мнению?

П.В.: Я считаю, что справедливость требует, чтобы мы поддерживали любые проекты помощи бедным, даже если нам самим бедность не грозит. Это особенно важно в США, где подобные проекты зависят исключительно от частных пожертвований, – в отличие от Европы, где это делается за счет налогов. Я также считаю, что надо поддерживать институты, преимуществами которых мы пользуемся, – например, музеи, которые мы посещаем, или концерты, на которые мы приходим. Но только, разумеется, если у нас есть на это средства.

Перевод с английского Ольги и Петра Серебряных